Автор: admin
17.07.2014 16:49 -

Сине-красный с ярко-жёлтой полосой

Расскажу вам историю, которая произошла со мной, когда мне было одиннадцать лет. У меня уже трое взрослых детей, но я все еще с трепетом вспоминаю тот случай.
Наша деревня тянулась по крутому берегу реки на несколько километров. На другом берегу лежали горы леса, их называли эстакадами. Весной этот лес сплавляли по реке. Ранней весной, когда уже прошел ледоход и сошел снег, но еще было сыро и грязно, мы с моим одноклассником Сашкой и его младшей сестрой Любкой просто бродили по улице. Солнце светило ярко, и нам было так хорошо! У Любки был красивый новый мяч, сине-красный с ярко-желтой полосой. Она подкидывала его и ловила, при этом заразительно смеясь. Мы снисходительно поглядывали на нее и улыбались.
Вдруг мяч выскользнул у Любки из рук и покатился вниз, к реке. Он подскакивал на бугорках и катился быстро-быстро, мы никак не могли его догнать. В те дни на речке был затор. У нас часто бывали заторы, когда бревна покрывали всю ширину реки от берега до берега, как бы не желая плыть дальше. И дядькам с баграми приходилось бегать по бревнам и разбирать затор. Смелые деревенские мальчишки иногда тоже умудрялись перебегать по этим бревнам с одного берега на другой. И хотя я была не робкого десятка (могла запросто прыгнуть с моста в реку, немногие смельчаки из деревни могли бы похвастаться этим), мне даже в голову не приходило пробежаться по бревнам. Я боялась, что бревно крутанется, и я окажусь в воде под бревнами и никогда оттуда не выберусь. Однажды я была уже в такой ситуации, но это было летом, вода в реке была теплой, и бревна покрывали не всю реку – была лишь связка из четырех–пяти бревен, называвшаяся боном. Я сумела выбраться, но до сих пор помню ужас, охвативший меня тогда.
Если б не затор, Любкин мяч быстро вынесло бы на середину реки и он уплыл бы (такое, к сожалению, уже случалось в нашей жизни). Возможно, мы видели бы его ещё только несколько минут. Но мяч покачивался на воде около одного из бревен.
С берега его было не достать. Мы глазом моргнуть не успели, как Любка оказалась на бревне и потянулась за мячом. Бревно покачнулось, повернулось, и Любка упала в воду между бревнами, и они сомкнулись над ней. Нам уже было не до страха. Мы тоже забрались на бревна и пытались сдвинуть злополучное бревно, но ничего не получалось. Тогда Сашка стал толкать бревно какой-то палкой – оно сдвинулось. Я легла животом на бревна и стала шарить в мутной и холодной воде рукой. Нашарила Любку. Не знаю, откуда у меня взялись силы, но я сумела вытащить ее из воды. Боже, на кого она была похожа! Глаза вытаращены, икает, вода льётся ручьями. Мы взяли её под руки и потащили ко мне домой (а Сашка сумел достать и мяч).
Дома Любку раздели и положили на печку, туда же положили и мокрую одежду. Сначала Любку трясло, и она все время всхлипывала, потом заснула и очень сильно захрапела, потом затихла. Мы часто подходили и смотрели, живая ли она. Потом сели учить уроки и думали, что же делать дальше. Уже стемнело. Тут прибежала тетя Маша,

мать Любки и Сашки, и спросила, где же Любка. Сашка ответил, что, наверное, ушла к тете – их тетя жила на краю деревни.
Пока тетя Маша была в доме, я все боялась, что Любка чем-нибудь обнаружит себя или тетя Маша догадается заглянуть на печку. Как только тетя Маша вышла, мы быстро стащили Любку с печки. Я надела на нее свою сухую одежду, подсадила ее Сашке на спину, и мы побежали к ним. Хорошо, что дорогой нам никто не повстречался, да и жили они недалеко. У них в доме мы снова положили Любку на печку, туда же – еще не просохшую одежду. И что удивительно, Любка тут же снова заснула.
Домой я бежала задворками, чтоб, не дай бог, не встретить тетю Машу. Всю ночь мне снились кошмары: то казалось, что Любка тонет, то мерещилось, что умирает от воспаления легких. (До этого у нас в деревне была трагедия: от воспаления легких умер семилетний мальчик).
Каково же было мое удивление, когда утром я встретила в школе совершенно не наказанного Сашку и здоровую, довольную Любку. Матери Сашка сказал, что Любка, наверное, целый день проспала на печке. Любку будить и спрашивать не стали, а утром было не до того. Наши замученные работой матери не замечали многих наших проделок, но все равно они нас очень любили.